

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙШИХ СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЙ

Служебные минеи, как известно, — это сборники церковных песнопений, исполнявшихся в честь того или иного лица или события христианской истории.

В том составе, в котором они представлены ранними древнерусскими списками XI—XII вв., они сложились в Византии, как полагают, в IX в. Перевод гимнографической поэзии византийской церкви на славянский язык, начатый первыми славянскими просветителями Константином-Кириллом и Мефодием¹, продолжили и завершили их ученики в Охриде и Преславе в конце IX — первой половине X в.²

Тексты древнейших восточнославянских списков служебных миней интересуют исследователей в связи с решением широкого круга проблем, от частных вопросов исторической грамматики до общих, связанных с техникой или особенностями первых переводов поэтических текстов на славянский язык и — шире — со сложением разных редакций церковнославянского языка.

Интерпретация данных, извлеченных из памятников письменности, должна быть научно доказательной. В полной мере это требование относится и к служебным минеям. Из последних обращений к текстам древнейших славянских служебных миней нам известны указанная статья М. Мулича и статьи М.Ф. Мурьянова, опубликованные в журнале "Вопросы языкознания" в 1980—1981 гг.

М. Мулич рассматривает приемы художественного перевода гимнографических текстов на славянский язык. Материалом для исследования послужили несколько песнопений из службы Симеону Столпнику и из канона Рождеству богородицы в восточнославянских списках XI—XII вв. Описаны ритмическая сторона славянского стиха, просодические особенности, приемы аллитерации, а также выбор для перевода славянского эквивалента и отношение перевода к смыслу сказанного в греческом. Можно согласиться с общим выводом М. Мулича, что перевод служебных миней это не просто "набор славянских слов" (как полагал И.В. Ягич. — Т.С.), а поэзия, отнюдь не лишенная ритмического размера и других поэтических достоинств³.

М.Ф. Мурьянов в своих статьях касается широкого круга вопросов, связанных с изучением древних славянских миней: от прочтения отдельного слова и истолкования определенных песнопений до

¹Указания на это содержатся в пространных житиях Кирилла и Мефодия. См.: *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1973. Т. III, гл. XVI. С. 105 и 191; гл. XV. С. 155.

²См.: *Мулич М.* К вопросу о художественном мастерстве в древнейших славянских переводах служебных миней // *Кирил Солунски*. Симпозиум на 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Скопје, 1970. С. 241—242. В греческом житии Климента Охридского, написанном Теофилактом, сказано, что Климент дал болгарам все, что относится к церкви и чем прославляются бог и святые и что трогает душу — см.: *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1970. Т. I. С. 6.

³*Мулич М.* Указ. соч. С. 256.

вопросов публикации древнего текста. Приходится признать, что освещение языковых данных восточнославянских списков служебных миней XI—XII вв. в статьях М.Ф. Мурьянова "О Минее Дубровского" (ВЯ, 1981, № 1) и "К истории адъективной флексии *-ого*" (ВЯ, 1980, № 5) не отвечает требованиям научной доказательности.

Статья "О Минее Дубровского" в основном посвящена вопросам издания памятников древней письменности. Эта сторона ее содержания рассмотрена в статье В.С. Голышенко, В.Г. Демьянова и С.И. Коткова "Об одном "освещении" изданий памятников древнерусского языка"⁴. Однако не меньшее внимание может привлечь прочтение и интерпретация М.Ф. Мурьяновым конкретных мест древних текстов.

М.Ф. Мурьянов обратил внимание на то, что в служебных минеях XI—XII вв. в 9 случаях написано *силою* в соответствии с *ἄλατι* 'солью' в греческом тексте и в одном случае слово *солю* употреблено в соответствии с *δυναστεία* 'силою'.

Словоформа *силою* вм. *солю* имеется в Минее Дубровского (ГПБ, Ф. п., 36, л. 7 об.) — "Силою блгодѣтною" (*τῷ ἄλατι τῆς χάριτος*); "она есть в Путятиной Минее XI в. (ГПБ, Соф. 202, л. 76) — Жироушта въ зълѡбѣ гноенина. чѣча Андрониче срѣца. силоѡж бѣжиеѡж оустави оученина си (*ἄλατι θεῖφ ἔσθησας δογμάτων σου*); и в четырех Минеях XI—XII в. древнейшего комплекта ЦГАДА⁵; февральской (№ 103, л. 17) — Жироующа безбожьныа. сѣгноеныихъ вѣрныихъ тльпоу. Ѡстави сладъно. силоу словесъ ти (*ἄλατι τῶν λόγων σου*); январской (№ 99, л. 106) — Слово твоею силоу. потьрено ави са блжене (*ὁ λόγος σου ἄλατι διηρτημένος*); в апрельской (№ 110, л. 51 об.) — Житье ти свѣтло. слово же силоу. бѣжьственною блгдтъю потьрено (*ὁ λόγος ἄλατι τῷ θεῖφ καὶ χάριτι ἡρτημένος*). Богаче всех такими примерами августовская Миней (№ 125), где трижды встречаемся со *сладкою силою* (лл. 68, 83 об., 86 об.⁶), первому случаю соответствует *θειφ ἄλατι*, двум другим — *востіμφ ἄλατι*, а один раз находим обратную ошибку (? — Т.С.): *солью прѣсѣго дѣа* вм. *τοῦ Πνεύματος τῆ δυναστεία* (л. 68 об.)⁷.

Видимо, исходя из широко известного мнения И.В. Ягича, согласно которому "славянские переводчики <...> старались перевести минеи, как богослужебные книги, с буквальной передачей греческих слов славянскими, не заботясь при этом нисколько о смысле подлинного текста и не задаваясь восстановлением его в переводе"⁸, М.Ф. Мурьянов квалифицирует употребление словоформы *силою* вместо ожидаемой им *солю* как "нередкую для минейных текстов погрешность письма под диктовку"⁹. Обосновывая свой тезис, он

⁴См.: ВЯ, 1982, № 4. С. 126—131.

⁵Имеется в виду фонд № 381.

⁶В действительности, в указанной рукописи на л. 86 об. — "сладною силою".
⁷Мурьянов М.Ф. Указ. соч. С. 134.

⁸Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1096 гг. СПб., 1886. С. LXXVIII.

⁹Мурьянов М.Ф. Указ. соч. С. 134. По поводу "письма под диктант" в древности см. в названной выше статье "Об одном "освещении"..." С. 129.

пишет на с. 134—135 со ссылкой на книгу Ф.П. Филина¹⁰ следующее: "Ничего общего в звуковом облике греческих слов, обозначающих понятия *соль* и *сила* (и, следовательно, допуская ошибку перевода. — Т.С.) нет, но сходство славянских слов очевидно. Путаница древнерусских написаний под диктант имела место не во всех грамматических формах, а только в творительном падеже единственного числа, где близость достигает сегодня максимума в укр. *силою* — *сіллю*. Процесс преобразования исконного *o* в *i* в новых закрытых слогах, имевший результатом одну из характернейших черт украинского вокализма "начался, вероятно, довольно рано, когда еще не закончилось завершение формирования первого полногласия", к тому же разница между гласными *ы* и *i* иногда сходила на нет, что засвидетельствовано памятниками XI в."

Автор статьи сместил хронологические границы языковых изменений и не учел засвидетельствованных памятниками письменности промежуточных этапов в развитии этих изменений. Заметим также, что положения Ф.П. Филина искажены и допущено произвольное их цитирование¹¹.

Основная посылка в рассуждениях автора статьи — "максимум" звуковой близости *силою* — *сіллю* в современном украинском языке — далека от действительного положения вещей. Украинское орфографическое *силою* произносится с твердым звуком [с] — сѣлюжу, а *сіллю* — с мягким звуком — с'ил'у¹².

В том, что фонетических причин для написания *силою* вм. *солю* и *солю* вм. *силою* в древности на всей территории восточного славянства не было, можно легко убедиться, если обратиться к соответствующим фактам истории восточнославянских языков.

Древнерусские слова *соль* и *сила* (*солю*, *силоу*), к которым входят современные украинские *сіль*, *сила* имели разный фонемный состав и произносились по-разному во все времена. К тому же, относясь к разным словоизменительным типам, эти существительные во всех падежах различались конечными формантами. Можно полагать, что вследствие отвердения согласных вторичного смягчения (памятники письменности южных территорий отражают его путаницей букв *ы* и *и*, начиная с XI в.) слово *сила* на юге Руси произносилось уже с твердым согласным [с] и с гласным типа [ы] в первом слоге (ср. совр. укр. [сыла], [сылюжу]). В слове же *соль* гласный перед слогом с редуцированным в слабом положении был удлиненным,

¹⁰ Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

¹¹ В книге Ф.П. Филина на с. 221 говорится не о качественных преобразованиях [o] и [e] перед слогом с редуцированным в слабом положении, то есть в открытом слоге, а об их удлинении. На с. 222 со ссылкой на исследования А.И. Томсона особо подчеркивается невозможность удлинения гласного в закрытом слоге. Известно, что "новые" закрытые слоги на юге Руси появились в результате падения редуцированных во второй половине XII в.

¹² В связи со статьей М.Ф. Мурьянова нельзя не заметить, что методику, при которой выводы строились на основании сходства звучания слов (действительного или мнимого) в современном языке (языках), советское историческое языковедение более 30 лет назад отвергло как ненаучную.

но до качественного изменения его в монофтонг *i* (ср. в совр. укр. [с'іл], [с'іл'у]) должен был, как известно, пройти еще сохраняющуюся в современных украинских говорах стадию дифтонгизации, которая отражается в памятниках не ранее XIII в. написаниями, например, *субутныи, добровулно* и др.¹³ На остальной территории Руси гласный [о] перед слогом с редуцированным в слабом положении изменений не претерпевал (ср. [с'ол], [с'ол'ју] — в рус. яз; [сол], [сол'у] — в бел.), не отвердевали и согласные вторичного смягчения перед [у] (ср. [с'ила], [с'илој] или [с'ильј] — в рус. и [с'ила], [с'илај] — в бел. языке).

Таким образом, в истории восточнославянских языков мы не располагаем фактами, которые могли бы подкрепить утверждение о фонетической причинемены слов *силю* и *солю* в древнерусских списках.

Причину таких замен, видимо, следует искать в другом. Полагаем, что в основе употребления в славянских текстах слова *силю* в соответствии со словом ἄλατι греческого текста и употребления слова *солю* в соответствии с δυναστεῖα лежат хорошо известные переводчику полисемантические особенности слова ἄλας в греческих текстах.

Слово ἄλας употреблялось не только в своем прямом значении. Широта известных народу природных свойств соли¹⁴ давала возможность образовывать с лексемой ἄλας различные тропы¹⁵. Природные свойства соли в них переносились на другие реалии, для обозначения которых в языке существовали слова иного семантического поля.

Метафорическое употребление слова ἄλας было известно уже первым переводчикам евангелия и апостола — Кириллу и Мефодию¹⁶. Напомним эти тексты. В евангельском обращении Христа к ученикам: Ὑμεῖς ἐστε τὸ ἄλας τῆς γῆς· ἐὰν δὲ τὸ ἄλας μωρανθῆ ἐν τίνι ἀλισθήσεται· (Мф 5. 13) 'вы соль земли, если соль потеряет силу, что сделает ее соленой'; πᾶσα θυσία ἄλι ἀλισθήσεται· καλὸν τὸ ἄλας ἐὰν δὲ τὸ ἄλας ἀναλον γένηται ἐν τίνι αὐτὸ ἀρτύσετε; ἔχετε ἐν ἑαυτοῖς ἄλας, καὶ εἰρηνεύετε ἐν

¹³ См.: *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. С. 67—68; Самый ранний пример с *i* вм. *o* в новом закрытом слове зафиксирован в буковинской грамоте 1436 г.: *иткиль* (= *відкіля*). Этот пример указан в книге Ф. П. Филина на с. 225.

¹⁴ В древности было известно, что добавление соли к пище делает ее острой и приятной на вкус, придает человеку бодрость и силу, а в большом количестве соль способна предотвращать и прекращать гниение и даже губить живое. Поэтому в ней видели силу, способную творить добро и зло. См. об этом, например; *Андреева Е.* "Священная и проклятая соль" // Наука и религия, 1959, № 2.

¹⁵ На основании некоторых из них развились переносные значения слова. Например, зафиксированное у Плутарха переносное значение 'соль, острота, остроумие' (*Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958, Т. I. С. 87) выделилось в результате перенесения вкусовых качеств соли на речь, высказывание и закрепления таких метафор в языке.

¹⁶ Этим употреблений слова специальный словарь не фиксирует, см. *Bauer W.* Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. Berlin, 1963.

ἄλλήλοις (Мк 9, 49—50) 'всякая жертва солию осолится. Добрая (вещь) — соль. Если же соль не солоната будет, то чем ее поправите? Имейте соль в себе и мир имейте между собою'; в Послании Павла колоссянам: ὁ λόγος ὑμῶν πάντοτε ἐν χάριτι, ἅλατι ἠρτυμένος (Кл 4, 6) 'слово ваше да будет всегда в благодати солию растворено'.¹⁷ Приведенные метафоры со словом ἅλας имеют разный смысл. В первом случае это слово символизирует лучших людей (в Израиле), во втором оно значит 'учение божие', а в третьем, по-видимому, употреблялось в значении 'сила убеждения'. Но в каждом из приведенных текстов связь метафорически употребленного слова ἅλας с конкретной реалией поддерживается лексическим окружением, привычным для прямого значения слова. В первом и третьем примерах — глаголами ἅλιζω (ἀλισθήσεται), ἀρτύνω (ἠρτύμενος), во втором — всем предшествующим текстом. Поэтому для перевода слова ἅλας в этих текстах переводчик не мог употребить другого славянского слова, а только слово *соль*.

Иная ситуация складывалась, когда ἅλας в метафоре соседствовало с θεός 'бог' или с χάρις 'благодать': ἅλατι θεῖφ, ἅλατι τῷ θεῖφ, ἅλατι τῆς χάριτος, в результате чего в семантическом отношении оно сближалось с прямым значением δυναστεία 'власть, могущество' в сочетании Πνεύματος τῆς δυναστείας. Слово *соль* здесь искажило бы смысл греческого текста. Более уместным становилось употребление многозначного слова *сила*¹⁸: *божиею силою, силою благодѣтною*. Это позволяло использовать слово *сила* и в евангельской цитате, когда в песнопении оно относилось к святому, чем подчеркивалась причастность святого, его деяний к евангельскому учению — "слово твою силою. потьрено ави са блъжене".

Наконец, наличие у слова *сила* значения 'естественная способность, свойство' давало возможность использовать его и в таких случаях, когда в греческой метафоре обыгрывались вкусовые качества соли — *оустави сластьною силою словесъ, сладкою силою*.

Таким образом, различные метафорические употребления слова ἅλας в греческих текстах могли переводиться на славянский язык одной лексемой *сила* с разными ее значениями. Это в свою очередь создавало условия и для обратной замены переписчиками слова *сила* словом *соль* в таком контексте, где такая замена в семантическом отношении была не оправданной — солюю прѣсѣго дѣа. В этом случае получился троп, созданный по образцу греческой метафоры, употребленный, однако, не без ущерба смысловой стороне греческого текста.

В свете сказанного представляется, что не мнимая фонетическая близость *силою* и *солюю* (*солюю*) в древнерусском языке, как считает

¹⁷ Греческие тексты из Нового завета цитируются по изданию: Τῆς καινῆς Διαθήκης ἅπαντα. Ἐν Ἀθήναις καὶ Κωνσταντινουπόλει, 1902; греческий текст миней — по статье М.Ф. Мурьянова.

¹⁸ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. — *сила* 'естественная способность', 'свойство', 'мощь', 'сила телесная', 'духовные силы' (δύναμις) и 'власть' (δυναστεία).

М.Ф. Мурьянов, были причиной неожиданного для него употребления слова *силою*, а семантическая близость метафорически употребленного ἄλς и прямого значения δυναστεία в определенных греческих контекстах с прямыми значениями славянского *сила*.

На образном и переносном употреблении слов построен и ставрофетокион в службе Варфоломею и Варнаве. Его в числе недостающих греческих параллелей к изданной Е.Э. Гранстрем Минее Дубровского привел по греческому Октоиху в своей статье (см. с. 125) М.Ф. Мурьянов.

Τὸν βότρυν τὸν πέλειρον ἀγεωργήτως,
ἀγνήν δὲ ἐβλάστησας,
ἐν ξύλῳ ὡς ἐώρακας,
κρεμάμενον ἔκραζε·
Τέκνον μου γλυκύτατον,
γλεῦκος ἐναπόσταξον,
δὲ οὐ παθῶν ἢ μέθη ἀνασταλήσεται.

Греческий текст — развернутая метафора с обращением к сыну потрясенной горем богоматери, когда она увидела его распятым на кресте. Символ Христа здесь — взращенная богородицей спелая гроздь (винограда).

Лексика шести строф песнопения не представляет особых сложностей для перевода. Перевод: Чистая, когда (ты) увидела спелую гроздь, которую невозделанно взрастила, висящей на древе, (ты) стала восклищать: "Чадо мое сладчайшее, источи сладкий сок..."¹⁹

В Минее Дубровского перевод этой части в целом соответствует греческому; сохранена даже инверсия, способная озадачить современного читателя: гръзна съзърѣвъшааго недѣлана чиста. I иже прозабе . на дрѣвѣ ѹгда оузьрѣ висима . I вѣпнаше чадо сладкое . мъсть ми искаплаи ...²⁰

Трудной для перевода оказалась последняя строка. Слово ἢ μέθη 'опьянение' употреблено здесь переносно, поскольку речь идет об опьянении страданием (τὸ πάθος 'страдание'). Таким образом, перевод этой строки может быть таким: ... которым (т.е. сладким соком) разрушится опьянение страданием.

В Минее Дубровского метафоричности у слова *пьяньство* нет: имь же льсть пьяньства отъиметься. Этому способствовало то, что в греческом дополнении παθῶν, переведенное словом *льсть*, стало в древнерусском подлежащим, а подлежащее в греческом ἢ μέθη — дополнением *пьяньства*. В результате смысл сказанного изменился по сравнению с греческим Октоихом: "которым разрушится зло²¹ пьяньства".

Греческий текст М.Ф. Мурьяновым приведен "для пояснения"

¹⁹ Благодарю за помощь в переводе Л.П. Горбунову.

²⁰ См.: Гранстрем Е.Э. Греческие параллели к гимнографическим текстам "Минее Дубровского" // Русский язык. Источники для его изучения, М., 1971. С. 33. В тексте исправлено замеченное М.Ф. Мурьяновым неверное словоделение *мъстьми*.

²¹ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II: *льсть* 'обман, хитрость', 'лесть', 'зло', 'ложные понятия, ересь', 'заговор'.

неверного словоделения *мъстьми* в издании Е.Э. Гранстрем. (Мы видим здесь прежде всего не выправленную в издании опечатку.) Однако само "пояснение" автор свел к пространным рассуждениям (см. с. 125—131) о значении слов *υλεβκος, mustum* в языках народов средиземноморской культуры, о роли вина в древнем мире, об особенностях старого и молодого вина, способах его приготовления и употребления, подкрепив их обширными ссылками на новую и древнюю литературу, в том числе и библейскую в весьма вольном освещении²².

Между тем ошибка словоделения, вернее невыправленная опечатка, легко обнаруживается на чисто грамматическом уровне. Церковнославянское слово *мъсть* (позже *мость*) — балканизм в славянских языках, дописьменное заимствование из народной латыни (*mustum*)²³. Его значение хорошо известно. Глагол *искаплати* 'истекать каплями' — управляет не только винн, но и твор. падежом (ср.: *искаплаю потомъ страдания си* — в октябрьской минее 1096 г.²⁴). Однако признать *мъстьми* формой твор. падежа мн. числа с окончанием *-ъми* из *-й*-основ вместо окончания *-ы* мешает то, что существительные, обозначающие определенную жидкость, в древности во мн. числе, очевидно, не употреблялись.

Расхождения славянских минейных текстов с греческими разнообразны.

В каноне Рождеству богородицы их рассматривает М. Мулич в указанной выше статье. Мы приведем отсюда (см. с. 251) лишь один пример лексического несоответствия: в минее XII—XIII вв. (ЦГАДА, ф. 381, № 85) — та блажить, мати дѣво, вьсаки языки (языкъ — ГПБ. Q п. 1, 12), которому соответствует в греческом: Σὲ μακαρίζει, Ἀειλάρθενε, πᾶσα κτίσις.

По поводу этого примера М. Мулич на с. 252 пишет: "<...>слово κτίσις славянин перевел не как *тварь*, а как *языкъ*, что гораздо больше подходит в качестве подлежащего к глаголу *блажити*; ведь в понимании славянина *тварь* означало не только все живое, но и все, что создано — одушевленное и неодушевленное. Вот почему и выбрано было славянином слово *языкъ*, ибо только люди способны блажить".

С точки зрения наших материалистических представлений объясне-

²²Например, на с. 127: "Ветхозаветное эсхатологическое будущее мыслилось как трапеза "для всех народов", где каждый праведник будет обсасывать мозговые косточки тучных яств и пить очищенное молодое вино (Ис. 25, 6)". Слово *праведник*, с которым связано выработанное новозаветной литературой понятие об образцовом носителе христианской морали, которому после смерти уготовано блаженство в царствии небесном, вряд ли уместно при пересказе ветхозаветной цитаты. Слова *тучный* (*тоучный*), *тук* (*тоукъ*) употребляются в церковно-книжном языке в их старом значении 'жирный', 'жир'. Ср. поэтическое у Исайи (25, 6): "И сделает господь Саваоф на горе сей для всех народов трапезу из тучных яств, трапезу из чистых вин, из тука костей и самых чистых вин".

²³См.: Десницкая А. В. О ранних балкано-восточнославянских лингвистических связях // ВЯ. 1978. № 2. С. 45.

²⁴Срезневский И. И. Указ. соч. Т. 1, СПб., 1893.

ние вполне приемлемое. Для времени же, когда "искажить смысл богослужебного текста считалось чуть ли не смертным грехом"²⁵, оценить эту замену положительно все-таки трудно, так как в переводе существенно искажен смысл оригинала. А именно: восхваление богородицы всем сотворенным за шесть дней, о чем сказано в греческом тексте и что было освящено традицией византийской церкви, оказалось суженным до одной, хотя и существенной части, до восхваления богородицы лишь человечеством.

Мы должны согласиться с М. Муличем в том, что для того, чтобы решить, на каком этапе произошло переосмысление греческого текста, во время ли первого перевода, или у последующих славянских переписчиков, необходимо провести предварительные текстологические разыскания, сопоставить славянский архетип текста, полученный в результате сопоставления всех известных списков данного канона, с полученным таким же образом архетипом греческого песнопения²⁶. При этом, конечно, необходимо учитывать и то, что восточнославянские списки могут отражать и орфографию южнославянских протографов²⁷.

Тексты служебных миней предназначались для пения во время богослужения.

Известны специальные певческие сборники, где тексты песнопений снабжены специальной нотацией и написаны растяжным письмом, т.е. таким, когда буква тянувшегося гласного повторяется соответственно его звучанию при пении. Эти обстоятельства — назначение текстов и характер их письма — должны быть в поле зрения исследователя при анализе фонетико-грамматических особенностей языка. Нельзя забывать и того, что все те, кто изучал певческие рукописи, сходились во мнении, что орфография этих рукописей в большей мере, чем в иных памятниках, отражает особенности книжного (литургического) произношения²⁸.

Применительно же к древнейшим минеям из фонда № 381 ЦГАДА необходимо помнить и то, что эти рукописи, как отмечали многие исследователи, содержат большое количество ошибок и обычных описок.

В статье "К истории адъективной флексии *-ого*" М.Ф. Мурьянов

²⁵ Мулич М. Указ. соч. С. 251.

²⁶ Там же. С. 256.

²⁷ Ср. написание *мьсть ми искаплай* в июньской минее XII в. (ГИМ, Мин. № 167). М.Ф. Мурьянов видит в этом написании "ошибку в догматическом отношении чудовищную", так как, по его мнению, "богородице приписано желание мести" (с. 129). В оригинальных древнерусских текстах *мьсть*, действительно, следует читать как *мьсть* 'мечь'. В тексте же, восходящем к южнославянскому переводу, такое чтение не обязательно. Если принять во внимание, что древнеболгарская письменность знает одноеревое письмо, то в этом написании можно видеть прежде всего свидетельство южнославянского протографа, в котором слово было написано с двумя буквами *ь*.

²⁸ Из работ на эту тему, написанных в наше время, достаточно назвать: Успенский Б.А. Древнерусские кондакари как фонетический источник // Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 314—346. Как явствует из статьи М.Ф. Мурьянова, эта работа была ему известна.

на с. 107 и 109 обращает внимание на следующие примеры в древнерусских списках XI—XII вв.: "дѣва дѣсь пребогатаа ражають" — в Типографском уставе к. XI — н. XII в., л. 46, и "свѣтъ ты мироу прѣбгате ѿ²⁹ прѣваа свѣта ави са иакове" — в апрельской минее XI—XII вв., л. 107 (рукопись ЦГАДА, ф. 381, № 110). Написание *пребогатаа* и ѿ *прѣваа* получили (см. с. 109) следующее истолкование: "Из рассмотренных примеров можно сделать вывод не только о раннем аканье во флексии *-аго*, но и о природе промежуточного согласного звука". Видимо, в подтверждение аканья, якобы отраженного этими примерами, автор сообщает в сноске на той же с. 109: "Тенденция к аканью в январской минее № 97 проявилась и в префиксе *о-*, ср. выражение: раздрѣши аканьюую ми дѣоу (л. 115 об.)".

Со сказанным невозможно согласиться. Пример из минеи № 97 (ЦГАДА, ф. 381) не имеет отношения ни к аканью, ни к тому, что отразилось в написаниях *пребогатаа*, ѿ *прѣваа*. Взыскательные исследователи даже для позднего времени, когда есть все основания считать аканье структурной особенностью русского языка (в его территориальных разновидностях), написания с буквой *а* вместо ожидаемой *о* в слоге, соседствующем со слогами, где употребление буквы *а* оправдано этимологией, отводят как типичные ошибки писца. Тем более нет оснований считать такой случай отражением аканья или, как выражается автор, "тенденцией к аканью", применительно ко времени, для которого наличие этого явления не получило убедительного подтверждения. К тому же нельзя забывать и того, что нормой церковного произношения во все времена было оканье. Поэтому искать отражения аканья в текстах этого рода представляется вообще мало перспективным.

Написание *пребогатаа* может получить иное, с нашей точки зрения, более правдоподобное объяснение, не связанное с фонетическими особенностями языка.

Рождественский кондак находится в кондакарной части Типографского устава (рукопись Третьяковской галереи, К-5349). Как отметил изучавший эту рукопись Б.А. Успенский, особенность этой части — наличие двойного написания текста песнопения: обычным письмом без нотации и растяжным письмом с нотацией.

Сам Рождественский кондак в рукописи написан обычным письмом, без нотации. Однако он находится в окружении текстов, написанных по-разному. Например, на том же л. 46: "Прежде дньнищѣ ѿ оѣа без матере рожьшасна на земли..." — обычным письмом, без растяжения и тот же текст с растяжением: "Прѣеелжее дѣ. ньщииищѣѣ от. отьцааа. без матееее.рехеее. роооолдиса. наа земли".

Поэтому в написании *пребогатаа* (для нас это форма род.-вин. п. ед. ч. краткого прилагательного *пребогатъ*) мы склонны видеть своеобразный сбой в письме, контаминацию разного письма: без растяжения (основа — *пребогат-*) и с растяжением (окончание *-аа*)³⁰.

²⁹Так в ркп., в отличие от данного в статье "ѿт".

³⁰Ср. в статье на с. 107: "Может быть, написание *пребогатаа* представляет собой форму род.-вин. падежа от прилагательного *пребогатъ*? Такое объяснение приходится

К тому же ряду мы относим и $\bar{\omega}$ *прваа*. Январская минея нотации не имеет, однако это не значит, что протографом ее не мог быть сборник нотированных песнопений.

В свете сказанного полагаем, что есть все основания рассматривать оба написания как форму род. падежа ед. числа прилагательных муж. рода, но не полных (членных), как думает М.Ф. Мурьянов, а кратких (именных) с окончанием -а и, следовательно, как написания отношения ни к аканью, ни к качеству согласного *z* не имеющие.

В поисках примеров, отражающих наличие в древнерусском языке *z* — фрикативного, М.Ф. Мурьянов обратился к написаниям *то* вм. *того* в апрельской минее (ЦГАДА, ф. 381, № 110), где на л. 57: "несториа погыбѣли прѣдаль еси . обличивъ то блѣже безоумиа", а на л. 77 об. наслажаа са . то (-тоѹтоѹ) млѣтвми" и к тропарю из июльской минеи к. XI — н. XII вв. (ЦГАДА, ф. 381, № 121), где на л. 21: "прабаба словесы . прѣльщающаго ю . и сельшао раа дрѣвле . зращи ногами попираема . стѣхъ женъ".

Прежде всего отметим неверное словоделение при цитации неизданной рукописи. Должно было бы быть *исельшао*, где буква *c* обозначала бы долгий глухой согласный [c], в котором совпал в результате регрессивной ассимиляции согласный приставки и начальный согласный корня. (Церковнославянская приставка *из-* равна по значению древнерусской *вы-*.) Перевод песнопения: *прабаба* (т.е. Ева) видит попираемого ногами святых жен (т.е. жен мироносиц) (змея-искусителя), соблазняющего ее словами и выселившего в древности из рая. По поводу этого примера в статье на с. 109 сказано: "...ошибка диктанта сельшао "выселившего" не могла бы произойти при звонком взрывном согласном". Если исправить ошибочное прочтение автором "*сельшао*" на *исельшао*, а просто "диктанта" на "внутренний диктанта", то сказанное будет верным не только для данного примера, но и для приведенных в статье написаний *то* вм. *того*. Ослабление взрывного элемента у звонкого заднеязычного [г] в определенной фонетической позиции, произношение вместо него [у] или ослабление до полного отсутствия в интервокальном положении, в результате чего развился звук [в] в адъективной флек-

отклонить по метрическим (? — Т.С.) соображениям. В кондаке слово должно быть пятисложным (? — Т.С.), счету слогов переводчик придавал значение, как можно убедиться по тексту всей строфы, имеющему несомненные признаки стиховой организации — колонны и даже гомеотелевты, причем именно в тех местах, где они находятся и в греческом оригинале (? — Т.С.). Общее число слогов греческой (? — Т.С.) строфы — 76, что, случайно или нет, равно числу названных Евангелием (Лк 3, 23—38) предков Христа, рождение которого является сюжетом произведения Романа Сладкопевца". Нельзя не заметить в связи с этим, во-первых, то, что пять слогов может быть не только у полного прилагательного *пребогатаго*, но и у краткого *пребогата*, если оно произносится с диерезой — *пребогата-а*, что бывает при пении. Во-вторых, полная греческая строфа кондака, по нашим подсчетам (см. Μηναίων τοῦ Δεκεμβρίου, Ἐπιστολὴ Γεωργίου Γ. Γέφυλε. Ἐκδοτικὸς Οἶκος Βασιλείου Ἐαλιβέρου. Ἀθήναι, [б.г.], с. 312) содержит не 76 слогов, как утверждает М.Ф. Мурьянов, а 66. Славянская же строфа насчитывает 75 слогов. Если же *пребогатаа* считать с пятью слогами, то получится 76 слогов. Придуманная автором статьи символика числа, таким образом, к греческому автору Роману Сладкопевцу отношения не имеет.

сии *-ovo, -evo*, — факт, известный в истории русского языка. Однако наличие [у] вм. [г] (или отсутствие его) между гласными не исключает взрывного характера [г] в других положениях, о чем свидетельствуют современные севернорусские говоры.

Для подкрепления вывода о [г] фрикативном на с. 110 приведено "ц.-слав. не оумагчила са еси", которое, как считает М.Ф. Мурьянов, "приобрело в новгородской Минее 1095 г. вид не оумачи са"; "не оумагчила са" напечатано той же кириллицей, что и пример из Минее 1095 г., при этом не указано, откуда оно взято. При недостаточно внимательном чтении это может дезориентировать читающего. Хотя хорошо известно, что для древних памятников, написанных или переписанных до падения редуцированных, такое написание (почему-то оно названо церковнославянизмом) неизвестно и невозможно. Но самое главное, даже зафиксированное памятниками "не оумачи са" отношения к качеству звука [z] в древности иметь не может, так как корень у этого глагола *-мак*³¹.

Таким образом оказывается, что приведенные в статье М.Ф. Мурьянова примеры из минейных текстов по рукописям XI—XII вв. в действительности не имеют отношения к аканью, не свидетельствуют о фрикативном характере звонкого заднеязычного согласного в древнерусском языке в целом и не могут опровергнуть утвердившийся в науке взгляд на взрывной характер звонкого заднеязычного согласного [г] в новгородском говоре XI—XII вв.

Подводя итог сказанному, нельзя не признать, что освещение данных древнерусских списков XI—XII вв. в названных выше статьях М.Ф. Мурьянова научно не доказательно. Однако эти статьи, будучи оснащены многочисленными ссылками на специальную литературу, могут ввести в заблуждение читателя, не искушенного в данной проблематике или в особенностях этого сложного в структурном и языковом отношении памятника.